

БРАЧНЫЙ
ДОГОВОР

LEVITSKY
GROUP

БРАК

БЕЗ ГАРАНТИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

— ДАВИАНА —

Давиана

Брак без гарантий

«Автор»

2026

Давиана

Брак без гарантий / Давиана — «Автор», 2026

Одна ошибка отца превратила жизнь Киры в кошмар. Теперь за чужие долги расплачиваться придется ей. Чтобы спасти брата и сохранить собственную жизнь, она соглашается на сделку с человеком, которого презирает. Марк Левицкий — холодный миллиардер, привыкший просчитывать всё до мелочей. Ему срочно нужна жена. Не по любви, а по контракту. Один год фиктивного брака — и каждый получит желаемое. Вот только Кира не собирается становиться покорной куклой, а Марк совсем не готов к женщине, которая спорит с ним по любому поводу, ставит условия, защищает своего кота и переворачивает его идеально выстроенную жизнь с ног на голову. Но когда прошлое начинает мстить, враги становятся опаснее, а притворяться счастливыми супругами становится всё сложнее, им придется решить: остаться чужими или рискнуть всем ради настоящих чувств.

© Давиана, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена ошибки	5
Глава 2. Неслучайная встреча на аукционе.	10
Глава 3. Правила совместного выживания	16
Глава 4. Ликвидация долга и инструктаж.	21
Глава 5. Проверка в Жуковке	25
Глава 6. Брат за брата, или Проверка на вшивость	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Брак без гарантий

Глава 1. Цена ошибки

В подвале пахло старой олифой, сыростью от подтекающей трубы в углу и дешёвым растворимым кофе из автомата. Кира сидела, сгорбившись над дубовой доской XVIII века и аккуратно, кончиком беличьей кисти №2, вычищала столетнюю грязь из мелких трещин на старинном окладе. Глаза уже вытекали от напряжения, а поясницу ломало так, будто по ней проехали гружёным КамАЗом. Она занималась этой мелкой ювелирной работой с семи утра без перерыва на обед.

— Всё, Корж, хорош на сегодня. Мои глаза официально вышли из чата, — Кира отложила кисть в жестяную банку с растворителем, вытерла липкие от лака пальцы о грязный холщовый фартук и с хрустом потянулась всем телом.

Из старого кресла, из которого ключьями торчал жёлтый поролон, высунулась толстая серая морда. Британский кот Коржик, весивший как приличный арбуз, лениво зевнул, продемонстрировав бледно-розовую пасть с острыми клыками и с глухим стуком перевалился на бок. Проблемы реставрации его вообще не волновали — его волновала исключительно пустая миска, стоявшая у холодильника «Саратов». Кот издал короткое, требовательное «мяу», намекая, что график кормления нарушен уже на сорок минут.

— Сейчас, подожди, прожорливое животное, — проворчала Кира, вставая со стула. — Дай хоть руки отмою и покормлю тебя обжора ты мой.

В этот момент входную дверь не просто открыли — её буквально вбили внутрь подвала. Старые петли жалобно взвизгнули, железный засов вылетел с мясом и тяжелое дубовое полотно с грохотом приложилось о кирпичную стену. С потолка прямо на рабочий стол посыпалась мелкая сухая штукатурка, испачкав свежий слой лака на доске.

Коржика сдуло под кресло за долю секунды. Кира даже не успела заметить, как этот семикилограммовый мешок с шерстью сумел втиснуться в узкую пятисантиметровую щель между полом и рваным днищем мебели.

В проёме стояли двое. Оба в засаленных кожаных куртках, от которых за метр несло перегаром, дешёвыми сигаретами и чесночным соусом из круглосуточной шавермы у метро. Один — квадратный, с короткой стрижкой «под единичку», сломанным носом и золотым зубом, который тускло блеснул при свете подвальной лампы. Второй — худой, бледный, с постоянно дёргающимся левым веком, лениво крутил на указательном пальце связку ключей от старой девятки.

Кира осталась стоять на месте возле раковины. Сердце внутри ухнуло куда-то в район желудка, но внешне она постаралась сохранить абсолютное спокойствие. Пальцы правой руки сами собой нащупали на краю стола металлический мастихин — острую стальную лопатку для смешивания красок с удобной деревянной ручкой. Она аккуратно взяла его, спрятав лезвие за предплечьем.

— Волкова Кира? — спросил квадратный, набычившись и оглядывая стеллажи с банками, старыми подсвечниками, рамками и недописанными холстами.

— Она самая, — Кира сжала мастихин крепче. — Вы дверью ошиблись или вас просто в детстве родители не учили, что в чужие помещения входят ногами, предварительно постучав, а не вышибая косяки лбом?

Квадратный ухмыльнулся, шагнул внутрь. За ним зашел худой, прикрыв за собой изуродованную дверь.

— Дерзкая. Люблю таких, с ними веселее, — квадратный сделал еще два шага вперед, и Кире пришлось поднять голову, чтобы смотреть ему прямо в лицо. — Нам твой папаша,

Андрей Васильевич, просил тебе большой привет передать. Сказал, уехал по делам. Очень далеко и очень надолго. На звонки отвечать не будет, можете не искать его через полицию, бесполезно.

Внутри у Киры всё окончательно перевернулось. *Папа. Опять. Ну сколько можно. Две недели тишины — и снова здравствуйте.*

— Ближе к делу, — отрезала Кира, не двигаясь с места. — Сколько этот придурок спустил в карты в этот раз? У меня есть тысяча тридцать на карте, которые я отложила на аренду этого подвала, и еще пятерка наличными в тумбочке. Больше вы с меня всё равно не снимите, даже если наизнанку вывернете. У меня ничего нет.

Худой у двери глухо кашлянул, сплюнул на бетонный пол и выдал скрипучим голосом.

— Девочка, твой батя крупный игрок, по мелочи не работает. Четыре миллиона. Только не рублей. Зелени. Американских долларов. Твой батя у Седого в долг взял в прошлую субботу. Под залог. Оформили всё красиво, с нотариусом, подписью и отпечатком пальца.

Кира на секунду перестала дышать. В подвале как будто резко выкачали весь воздух. Четыре миллиона долларов. Это были такие цифры, которые она даже в новостях про олигархов воспринимала как абстракцию.

— У моего отца нет и никогда не было ничего на такую сумму, — Кира с трудом выдавила из себя слова через пересохшее горло. Пальцы, сжимавшие мастихин, онемели и побелели. — У него старая хрущёвка под реновацию в Гольяново, которая наполовину в залоге у конторы по микрозаймам, и ржавый «Логан». Вы с ума сошли? Выметайтесь отсюда, я сейчас полицию вызову, телефон на столе.

— Вызывай, попробуй, — Колян (судя по старой синей татуировке на левом запястье) даже бровью не повёл. Он засунул руку во внутренний карман куртки, достал оттуда сложенный вчетверо лист плотной бумаги и небрежно швырнул его прямо на её рабочую дубовую доску, размазав свежую краску. — Твой папаша под расписку оставил коллекцию Фаберже. Восемь штук. Сказал, они у тебя тут, на реставрации лежат. И если мы придём, ты всё отдашь без лишнего шума, чтобы папу на ремни в лесу не порезали. Ну так что, Кира Анатольевна? Будем сейф открывать или сразу к Седому в офис поедем? Ему такие молодые брюнетки нравятся, быстро долг отработаешь на спец-обслуживании.

Кира опустила взгляд на листок. Почерк отца. Кривой, косой, размашистый, с его дурацким росчерком в виде петли на конце. И список предметов с подробным описанием, золотая эмаль, камни, клейма.

Её просто парализовало на месте. Это были вещи питерского коллекционера. Того самого Громова, который месяц назад привёз их под честное слово, без официальных договоров, чисто под её профессиональную репутацию, которую она наработывала пять лет после института. Отец, когда заходил к ней на прошлой неделе якобы «на лекарства от сердца» и просил погреться, просто подсмотрел код от её старого рабочего сейфа, выкрал опись из папки и заложил чужие музейные вещи бандитам.

Если они сейчас заберут коллекцию — её убьёт или посадит питерский заказчик, у которого связи в прокуратуре такие, что её сотрут в порошок. Если бандиты ничего не найдут — эти двое сломают её прямо здесь, в подвале. А потом придут за Максом, её семнадцатилетним братом, который через полчаса должен вернуться из колледжа после пар. Макс вспыльчивый, полезет в драку, и его просто прибьют.

— Их здесь нет, — Кира подняла глаза на Коляна. Страх куда-то испарился, уступив место тупой, глухой ярости на собственного родителя. — Вещи в банковской ячейке. В центральном отделении. Доступ только по моему паспорту и отпечатку пальца. Вы можете хоть весь этот подвал по кирпичам разобрать, но найдёте тут только лак, ацетон и старые доски. Мне нужно три дня. Чтобы поехать в банк, снять ячейку и... привезти вам всё.

Колян прищурился, наклонился к ней через стол так близко, что она почувствовала запах его несвежего дыхания.

— Три дня, Волкова. Сегодня среда. В пятницу в три часа дня мы вернёмся сюда. Не будет коробок с золотишком или всей суммы наличными — пеняй на себя. Мы девками торговать умеем, у Седого каналы налажены. И братишка твой, Максим, кажется? Учится в автомеханическом? Пацан молодой, почки здоровые, на черном рынке сейчас дефицит органов. Усекла риски, реставраторша?

— Пошли вон, — тихо и отчётливо процедила Кира, не отводя взгляда от его сломанного носа. — В пятницу всё будет. А сейчас проваливайтесь, пока я не устроила тут пожар вместе с вами и вашим чесночным соусом. У меня пол-литра бензина под столом стоит.

Колян посмотрел на банку с растворителем, потом на мастихин в её руке, хмыкнул и повернулся к выходу.

— В пятницу в три, девочка. Без опозданий, — бросил худой у двери.

Когда тяжелая дверь наконец-то со скрипом прикрылась, Кира просто рухнула на стул. Ноги ходили ходуном, в коленях появилась противная слабость. Мастихин с тихим металлическим звоном выпал из дрожащих пальцев на бетонный пол.

Из-под поролонового кресла медленно, оглядываясь по сторонам, вылез Коржик. Он подошёл к её левой ноге, ткнулся холодным мокрым носом в джинсы и тихо, жалобно мяукнул, глядя на неё желтыми глазами.

— Да, Корж... — Кира опустила руку, подняла кота на колени и уткнулась лицом в его жесткую серую шерсть. — Похоже, нам полная хана. Папа превзошел сам себя.

Четыре миллиона долларов. Сумма, которую она не заработает, даже если проживет десять жизней и отреставрирует весь Эрмитаж вместе с прилегающими зданиями. У неё было ровно трое суток, чтобы проверить какое-то безумное чудо. Или найти того, кто это чудо согласится оплатить.

В это же самое время на сорок втором этаже башни «Федерация» в Москва-Сити Марк Левицкий сидел за огромным столом из цельного массива черного дуба и мрачно смотрел на экран своего ноутбука. Ему было двадцать девять лет, он три года единолично управлял инвестиционным фондом «Levitsky & Partners», через который ежедневно проходили миллиарды рублей, но прямо сейчас он чувствовал себя полным, первостатейным идиотом.

Напротив него в глубоком кожаном кресле сидел Лев Борисович — старый семейный адвокат, который вел дела их семьи еще с тех времен, когда Марк под стол пешком ходил. Он не просто вел дела связанные с документами, но и знал обо всех делах их семьи и был личным помощником Марка во всем. Лёва неспешно пил эспрессо из маленькой фарфоровой чашки и выглядел подозрительно, даже раздражающе спокойным.

— Марк, ну хорош хмуриться, лицо перекосит, — Лёва отставил чашку на блюдце с тихим стуком. — Отец твой всегда был человеком со специфическими взглядами на жизнь. Ты же знал, на что шел, когда подписывал соглашение об управлении делами.

— Это не взгляды на жизнь, Лёва. Это прогрессирующий старческий маразм, помноженный на желание досадить мне даже с того света, — Марк потёр ладонями переносицу, чувствуя, как начинает гореть голова. Он резко встал из-за стола и подошел к панорамному окну от пола до потолка. Внизу, на глубине сотен метров, плыли крошечные машины, похожие на серых муравьев в коробке. Марк ненавидел хаос, он любил четкие алгоритмы, графики и таблицы Excel. Но то, что лежало сейчас в папке на его столе, ни в один алгоритм не вписывалось. — Жениться за три месяца. Ему там, на Ваганьковском, скучно стало? Что за бред? Зачем устраивать этот цирк с конями?

— Бред не бред, а завешание официальное, зарегистрировано у трех нотариусов, — Лёва достал из кожаного портфеля плотную бумагу с водяными знаками. — Читай внимательно формулировку, раз с первого раза не дошло. «Брак с благонадежной гражданкой РФ, не имею-

щей судимостей, приводов в полицию и крупных финансовых задолженностей перед банками или физлицами. Обязательное совместное проживание на одной площади не менее одного календарного года». Если условия не выполнены до тридцатилетия — сорок процентов голосующих акций фонда автоматически переходят твоему двоюродному брату Артуру. А твой день рождения, напомню, через девяносто дней.

— Артур — клинический дебил, — Марк повернулся спиной к окну и оперся руками о подоконник. Его челюсть сжалась. — Он сольёт фонд за пару месяцев. Этот кретин наберёт токсичных кредитов под залог активов компании и всё профукает на свои дурацкие стартапы по производству веганского мыла и содержание эскортниц в Дубае. Я эту компанию пять лет тащил на своем горбу, пока отец по немецким клиникам лежал и лечился от всего подряд. Я её Артуру не отдам ни при каких раскладах. Это моё дело.

— Ну так женись, в чем проблема? — Лёва просто пожал плечами, как будто речь шла о покупке новых туфель. — У тебя в юридическом отделе сидит десяток тихих, исполнительных серых мышек. Вызови одну, самую невзрачную, которая слова против сказать боится. Дай ей премию в пять миллионов рублей наличными, пропишите жесткий брачный контракт с нулевыми выплатами при разводе, пусть поживёт у тебя в пентхаусе в гостевой комнате. Год пролетит — не заметишь. Потом развод, и акции твои навсегда.

Марк подошел к столу, взял ручку и со злостью бросил её обратно на сукно.

— Ты вообще не думаешь головой, Лёва? Артур под меня копает день и ночь, он спит и видит, как занять это кресло. Он наймет лучших частных детективов, поставит наружку. Любая серая мышь из офиса расколется на первом же серьезном разговоре с его юристами или просто сболтнет лишнего подружкам в баре под коктейль. Мне нужна девка с железным характером. Которая сможет на публике, перед камерами Татлера и на советах директоров отыграть влюбленность так, чтобы у Артура зубы от зависти скрипели. И при этом она должна полностью, тотально от меня зависеть. Чтобы у неё даже в теории не возникло мысли пойти к моему кузену и продать ему информацию о фиктивном браке. У неё должен быть такой косяк за спиной, такой долг или проблема, которую могу решить только я, чтобы она зубами за этот контракт держалась ради собственной шкуры.

— Ну, дорогой мой, таких проблемных дам в приложениях для знакомств по фильтрам и сидя в кабинете не ищут, — хмыкнул Лёва, поднимаясь с кресла и застегивая пиджак. — Ладно, думай, Марк, время тикает, часики идут и не забудь, завтра вечером твой ежегодный благотворительный аукцион фонда. Артур там будет сто процентов, он уже забронировал первый стол у сцены и всю шепчет журналистам из РБК, что ты не способен выполнить даже простое завещание отца, потому что закоренелый холостяк и сухарь. Покажись там хоть с кем-то женского пола старше восемнадцати, сделай одолжение, хотя бы для прессы и для матери, чтобы она не нервничала.

Марк ничего не ответил. Он молча смотрел, как за адвокатом закрывается тяжелая дверь кабинета. Времени действительно почти не осталось, а четкий план решения этой дурацкой проблемы в его голове никак не складывался. Он привык покупать компании, банкротить конкурентов и просчитывать риски на пять ходов вперед, но покупка жены с гарантией молчания — это было что-то новое даже для его циничной практики.

Марк подошел к кожаному дивану, сел и устало закрыл глаза. В голове крутилась только одна мысль, где найти человека, которому настолько сильно нужны деньги или помощь, чтобы согласиться на год добровольного рабства под его контролем?

Кира сидела на кухне своей маленькой однокомнатной квартиры на Преображенке и тупо смотрела на Коржика, который с аппетитом трескал дешёвый сухой корм из пластиковой миски, хрустя на всю комнату.

— Тебе хорошо, Коржик, — тихо сказала Кира подперев подбородок ладонью. — У тебя главная проблема, чтобы хозяйка вовремя пакет открыла. А мне где взять четыре миллиона

долларов до пятницы? Может, банк ограбить? Или, как думаешь, сколько дают за ограбление Сбера? Лет десять наверняка? Зато кормить бесплатно будут.

Кот даже ухом не повел, продолжая методично уничтожать еду.

В дверь позвонили. Кира вздрогнула, рука сорвалась с подбородка. Сердце снова бешено заколотилось. *Неужели эти двое вернулись раньше?*

Она медленно подошла к двери, не снимая цепочки, приоткрыла её на пару сантиметров и выдохнула. На площадке стояла Яна — её лучшая подруга, владелица маленькой кофейни «Арт-Деко», которая находилась на той же улице, что и мастерская Киры. Яна была как обычно при полном параде: ярко-красная помада, блондинистые локоны и огромные солнцезащитные очки на пол-лица, несмотря на вечернее время.

— Кирюха, привет! Ты почему трубку не берешь? Я тебе три раза звонила! — Яна бесцеремонно протиснулась в образовавшуюся щель, как только Кира сняла цепочку. — У меня тут такое дело! Короче, мне срочно нужна твоя помощь. Завтра вечером закрытый благотворительный аукцион фонда Левицких. Там соберутся все самые богатые мужики Москвы. Мне один знакомый бармен подкинул два приглашения на моё имя, но одной идти стремно. Пошли со мной? Оденемся красиво, попьём бесплатного шампанского, может, найдем тебе нормального мужика, а то ты в своем подвале скоро мхом зарастешь вместе со своими иконами!

Кира закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Слова подруги долетали до неё как сквозь слой ваты. *Благотворительный аукцион. Фонд Левицких. Миллиардеры.*

— Ян, подожди, — прервала она поток красноречия подруги. — Повтори. Кто там будет?

— Ну, Левицкий Марк. Слышала про такого? Главный инвестор, молодой, богатый, на обложках Форбса постоянно. И куча его дружков с такими кошельками, что нам и не снилось, — Яна активно жестикулировала, снимая очки. — Ты чего такая бледная? Случилось что?

Кира посмотрела на Яну, потом на листок с распиской отца, который лежал на тумбочке в коридоре. В её голове вдруг щелкнул какой-то безумный и отчаянный план. Если ей нужны четыре миллиона долларов, то искать их нужно точно не в Гольяново и не у микрозаймов. Их нужно искать там, где эти деньги считают мешками. — Ладно, — сказала Кира, глубоко при этом вздохнув. — Пошли на твой аукцион, только у меня нет приличного платья и придется доставать то золотое, которое я покупала на выпускной к сестре, которая сейчас учится в Лондоне и ни разу не надевала его. — О-о-о, отлично! Золотое это то, что надо! — обрадовалась Яна, даже не подозревая, какая катастрофа разворачивается в жизни её подруги. — Устроим охоту на крупную рыбу! Кира промолчала, она понимала, что это не охота, это был её последний и судорожный прыжок в ледяную воду без всяких гарантий на спасение.

Глава 2. Неслучайная встреча на аукционе.

Кира стояла у старого шкафа-купе матерясь сквозь зубы и пытаясь натянуть платье. Платье купленное два года назад на распродаже ради какого-то дурацкого выпускного, на который она даже не пошла, из-за того, что не успевала сдать во время реставрируемый музейный экспонат, сейчас категорически отказывалось сходиться на лопатках, а молния застревала на середине и намертво зажевывала подкладку.

— Корж блин, подсоби хоть немного, — взмолила она, выгибая руки под неестественным углом и пытаясь застегнуть платье и искренне надеясь на его помощь.

Коржик, сидевший на гладильной доске в позе сфинкса, даже ухом не повел, он лениво вылизал лапу и посмотрел на хозяйку как на умалишенную затеем отвернулся к стене. От кота помощи ждать не приходилось, в его понимании человек, который добровольно натягивает на себя неудобную и скользкую тряпку вместо привычного растянутого свитшота в пятнах от лака, автоматически лишался права на сочувствие и понимание.

Кое-как, ободрав ногти, растрепав волосы и выдохнув весь воздух из легких, Кира дотянула замок. Зеркало в прихожей, покрытое мелкими пятнами от старости, отразило бледную девушку с каштановыми волосами и диким взглядом. Единственной деталью, которая выбивалась из этого псевдо-богатого образа, это были тяжелые часы Победа на запястье. Механизм тридцатых годов, поцарапанное стекло и родной кожаный ремешок, пахнувший машинным маслом. Кира сама перебирала их неделю назад в мастерской, пинцетом выковыривая засохшую смазку. Менять их на что-то более женственное она не собиралась.

На тумбочке завибрировал старый айфон с треснувшим экраном. Звонила Яна.

— Волкова, я внизу! Минут пять уже стою, тут этот придурок на Хендае орет, что встать негде! Выходи давай! — проорала подруга прямо в динамик так, что Кире пришлось отодвинуть телефон от уха.

— Иду я, иду, — Кира вздохнула, сунула в маленький замшевый клатч ключи, паспорт и сложенную вчетверо расписку отца. Бумажка жгла пальцы даже через подкладку сумки. — Корж, за главного. В миску не ссать, обои не драть. Приду — проверю.

Кот ответил коротким горловым мур-мяу, означавшим примерно «проваливай уже».

В такси пахло освежителем «Новая машина» и дешевым табаком. Яна, сидевшая на заднем сиденье в зеленом платье, сплошь покрытом колючими пайетками, тут же забросала Киру вопросами:

— Ну что, как платье? Не жмет? Слушай, я узнала, там будут лоты — просто отвал башки. Какой-то чувак из топ-менеджмента крупного банка выставил коллекцию советских плакатов и пару холстов. Народу будет тьма. Главное, Кир, не стой с таким лицом, будто у тебя только что корову украли. Улыбайся. Мужики любят, когда девчонки весёлые.

— Яна, я иду туда не мужиков цеплять, — Кира смотрела в окно на мелькающие огни Садового кольца. Голова гудела. Перед глазами до сих пор стояла рожа бандита Коляна со сломанным носом. *«В пятницу в три часа дня мы вернемся. Не будет коробок — пеняй на себя».* До пятницы оставалось чуть больше двух суток.

— Ой, да ладно тебе. Все вы так говорите, а потом первыми у барной стойки с вице-президентами целуетесь, — Яна махнула рукой, и с её рукава на коврик машины с тихим шорохом посыпалось пять зеленых блесток.

На благотворительном аукционе было не протолкнуться, чёрные Мерседесы и Майбахи стояли в три ряда и перекрывали узкие проезды между кирпичными зданиями бывших газовых заводов. Вокруг сновали фотографы с огромными вспышками, журналисты с микрофонами с логотипами модных телеканалов и женщины в таких шубах, что Кире сразу захотелось спрятаться обратно в свое такси.

На входе строгий парень в костюме долго сверял их фамилии со списком в планшете. Яна включила режим «дочери дипломата», приподняла подбородок и начала демонстративно вздыхать, пока парень наконец не кивнул и не пропустил их внутрь.

Зал лофта оглушил шумом. Высоченные потолки, открытая кирпичная кладка, регулируемый приглушенный свет, бьющий ровно на развешанные по стенам картины. В центре стояли длинные столы с закусками: крошечные тарталетки с черной икрой, сыры, от которых пахло грязными носками, и горы колотого льда, в которых утопали бутылки с шампанским.

Яна тут же растворилась в толпе, заметив какого-то бородатого ресторатора, с которым познакомилась на прошлой неделе. Кира осталась одна. Она взяла с проходящего мимо подноса бокал с прозрачным шипучим пойлом — исключительно ради того, чтобы занять руки — и пошла вдоль стены, рассматривая экспонаты.

Большинство лотов её не впечатлили. Обычный конъюнктурный соцреализм позднего периода: доярки с румяными щеками, счастливые строители БАМа, тракторы на фоне заката. Но у одной картины небольшой, размером примерно пятьдесят на семьдесят, Кира остановилась, на ней был изображен старый рабочий у доменной печи и работа была неплохая, явно рука хорошего мастера тридцатых годов, но нижний правый угол...

Кира подошла почти вплотную, чуть не ткнувшись носом в холст.

— Ну и криворукий же мудак это делал, — тихо, но отчетливо произнесла она.

— Вы считаете автора этой картины криворуким мудаком? — раздался за спиной спокойный, даже равнодушный мужской голос.

Кира вздрогнула, едва не расплескав шампанское и резко развернулась.

Перед ней стоял Марк Левицкий. Тот самый чувак с сорок второго этажа, чья физиономия регулярно мелькала в экономических новостях. Высокий в черном смокинге, который сидел на нем так, как будто его шили прямо на его теле три портного без права на сон и обед. Лицо бледное, почти безэмоциональное и короткая темная стрижка, а глаза — серые и мутные. Так же она сталкивалась с ним, а точнее с его представителями в суде, по делу земли на Преображенке, он пытался отвоевать этот клочёк земли принадлежавший её семье под застройку, но он не смог тогда добиться этого. Он держал стакан виски с парой кусков льда, которые тихо звякали при каждом его движении. Кира быстро слотнула, возвращая лицу маску безразличия и заинтересованности. — Автор тут вообще ни при чём, — ответила она, кивнув на холст. — Автор как раз нормальный, мазок плотный и грунт положен на совесть. А вот тот реставратор-самоучка, который якобы пытался скрыть трещину от удара подрамника в углу просто редкий халтурщик, он залил скол обычным мебельным акрилом, а сверху затонировал масляной краской и причём с колером промахнулся на два тона. Видите? Охра слишком желтит, всего через год этот кусок просто на просто отслоится и рухнет на пол вместе с куском оригинального лака. И вообще выставлять такую бездарную халтуру на аукцион, это либо позорище, или какой-то расчет на слепых богатеев, ну которые покупают картины под цвет дивана в холле и вообще не разбираются ни капли в искусстве.

Марк не отвел взгляда, он смотрел на Киру прямо и тяжело, словно взвешивал её слова на каких-то своих внутренних весах.

— Слепых богатеев, — повторил он без тени улыбки. — Интересная формулировка, особенно от девушки, которая пришла сюда по чужому пригласительному и в платье, которое явно видало и лучшие времена. Кира Анатольевна Волкова, если я не ошибаюсь? Реставратор станковой живописи с Преображенской площади.

Кира почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок и рука, державшая бокал, налилась тяжестью.

— Вы за мной следите? — процедила она.

— Я просто умею читать отчеты службы безопасности, — Марк сделал короткий глоток из стакана. — Они присылают мне списки всех подозрительных лиц на моих мероприятиях,

тем более тех с кем у меня были какие либо проблемы и особенно тех, чьи отцы берут четыре миллиона долларов у Руслана Седого под залог восьми предметов из коллекции Фаберже, принадлежащих петербургскому антиквару Громову. И которые сейчас лежат у тебя в сейфе.

В зале лофта было жарко, но Кире показалось, что её облили ледяной водой. Вокруг них начали притормаживать проходящие мимо гости. Заметив главу инвестиционного фонда в компании незнакомой девицы, к ним уже боком пробиралась полная дама с профессиональной телекамерой за спиной.

— Марк Андреевич! Пару слов для канала «Культурная столица»! — заверещала возникшая из ниоткуда журналистка, пихая микрофон чуть ли не в нос Левицкому. — Кто эта прекрасная дама? Это ваша невеста? Общественность уже два года ждет, когда...

Марк даже не взглянул на репортершу. Он молниеносно перехватил Киру за локоть. Пальцы у него были как железные трубины — жесткие, холодные, не оставляющие шанса вырваться.

— Без комментариев, — бросил он журналистке и, не дожидаясь ответа, потащил Киру сквозь толпу к тяжелой железной двери в конце зала.

— Пустите! Вы мне руку сломаете! — шипела Кира, пытаясь упереться каблуками в наливной пол, но Марк шел как танк, просто волоча её за собой.

Он толкнул дверь и они оказались на узком техническом балконе. Снизу, из темного двора тянуло сыростью и запахом выхлопных газов от работающих моторов представительских авто. Сверху капал редкий мелкий дождь. Марк отпустил её локоть, достал из внутреннего кармана пачку сигарет и щелкнул бензиновой зажигалкой. Огонек на секунду выхватил его угловатое лицо со сжатыми челюстями.

— Ты сумасшедший? — Кира потерла покрасневшую кожу на руке. — Что за манеры? В Сити всех так общаться учат?

— Учат общаться эффективно, — Марк выпустил плотную струю дыма, которая тут же растворилась в сыром воздухе. — Твой отец — труп, Кира. Ну, или скоро им станет. Седой шутить не любит и его люди в пятницу придут не за иконами. Они заберут твоего брата Максима. Пацану семнадцать, в автомеханическом колледже учится, верно? Из него выбьют дерьмо в первые пять минут. Четырех миллионов долларов у тебя нет. Твой подвал вместе со всеми старыми досками стоит от силы тысяч триста рублей, если продать оборудование.

Кира молчала. Зубы начали мелко постукивать — то ли от холода, то ли от понимания, что этот человек знает про её жизнь все. Каждую мелкую, постыдную деталь.

— Но эти деньги есть у меня, — Марк повернулся к ней спиной, опершись руками о мокрые железные перила балкона. — И я могу перевести их Седому завтра в девять утра. Ваш долг закроют, расписку вернут, отец останется жив и сможет дальше бегать от своих кредиторов где-нибудь в Твери. А ты вернешь Фаберже своему питерскому клиенту и забудешь этот кошмар.

Кира сделала шаг назад, спиной упершись в холодную кирпичную стену лофта.

— Откуда вы всё это знаете? И что я за это должна? — голос сорвался, прозвучав тише, чем хотелось бы. — Убить кого-то? Или подписать отказ от квартиры?

Марк обернулся. В темноте балкона его глаза казались просто черными провалами.

— У меня есть свои связи, я всегда всё знаю. — ухмыльнулся он. Мне нужна жена, — сказал он просто, будто речь шла о покупке нового офисного шредера. — Официальная. По паспорту. Ровно на один год. Мой покойный отец полгода назад переписал завещание, если я до тридцати лет не вступлю в официальный брак с благонадежной гражданкой без уголовного прошлого и долгов, сорок процентов голосующих акций фонда перейдут моему двоюродному брату Артуру. Артур — конченный наркоман и игрок, он пустит компанию с молотка за три месяца, чтобы закрыть свои косяки в Лондоне. Мне тридцать исполняется через три месяца. Времени искать кого-то среди своего круга нет — там у каждой второй папаша в министерстве,

контракт не подпишешь, сразу начнется шантаж. Мне нужна девка со стороны. Умная, зубастая, которая сможет на камеру отыграть любовь, но при этом будет сидеть на моем поводке и не пикнет, потому что полностью от меня зависит.

Кира слушала этот монолог, и ей казалось, что у неё едет крыша. Вокруг шумела светская Москва, звенели бокалы, а тут, на грязном балконе, ей предлагали продать себя за четыре миллиона долларов ради сохранения чьего-то пакета акций.

— Вы больной, — тихо сказала она. — Наймите эскортницу. Дайте ей денег.

— Эскортницу Артур расколет за два дня, — Марк выбросил недокуренную сигарету вниз, она прочертила в темноте красную дугу и погасла в луже. — Детективы моего кузена перероют всю её биографию, найдут счета, и контракт аннулируют через суд. Мне нужна чистая биография. Ты подходишь идеально. Отец — алкаш и игрок, но сама ты ни разу не привлекалась, платишь налоги, восстанавливаешь церквушки за гроши. Идеальная сиротка с Преображенки.

Он подошел ближе. Кира почувствовала запах табачного дыма и какого-то очень дорогого одеколона с древесными нотами.

— Завтра в двенадцать дня жду тебя в офисе. Башня Федерация, сорок второй этаж. Мой юрист Лёва подготовит документы. Подписываешь — Седой забывает твой адрес. Не приходишь — пятница, три часа дня, Колян со сломанным носом. Выбирай.

Марк толкнул стеклянную дверь балкона и ушел обратно в тепло и свет зала. Кира осталась стоять под мелким дождем. Шелк платья на плечах быстро намокал, становясь тяжелым и липким.

Всю ночь Кира провела на кухне. Она сидела на старой деревянной табуретке, поджав под себя ноги и тупо смотрела в окно. На подоконнике спал Коржик, свернувшись плотным серым бубликом. Рядом с ним на клеенке лежал листок бумаги с кривым отцовским почерком. Список Фаберже. Цифра «4 000 000 \$».

Она пыталась придумать другие варианты. Позвонить Громову в Питер? Он её даже слушать не станет — просто включит свои рычаги, и Киру посадят за соучастие в краже. Пойти в полицию? Заявление будут рассматривать трое суток, а Колян придет уже послезавтра. Защиты ждать было не от кого. Отец всю жизнь создавал проблемы, но в этот раз он вырыл им с Максом такую могилу, из которой без Левицкого было не выбраться.

В десять утра она вызвала самое дешевое такси. На ней были старые черные джинсы, протертые на коленях, белая мужская рубашка и простая джинсовая куртка. Никакого золота, никакого макияжа. Она шла на сделку с дьяволом, и наряжаться ради этого не имело смысла.

Сити встретил её привычной суетой. Огромные зеркальные башни уходили в низкие серые облака. Внутри башни «Федерация» было прохладно и пахло хорошим кофе. На стойке регистрации Кире выдали пластиковый пропуск.

Лифт взлетел на сорок второй этаж за полминуты, у Киры неприятно заложило уши. Когда двери разъехались, она очутилась в просторном офисе. Стекло, хром, серый ковролин, глушащий любые шаги. Никаких цветов в горшках, никаких картинок — полная стерильность.

У дверей кабинета Левицкого её встретил невысокий пожилой мужчина в костюм-тройке, но без пиджака — в жилетке. В руках он держал фарфоровую кружку с надписью «Лучший в мире зануда».

— Кира Анатольевна? — мужчина мягко улыбнулся, и вокруг его глаз собрались мелкие морщинки. — Проходите. Я Лев Борисович, адвокат Марка. Ну и его покойного отца дела вел. Не бойтесь, Марк сегодня не в духе, у него азиатские рынки просели, так что он ведет себя как обычный сын.

Он толкнул массивную дверь из темного дерева.

Кабинет Марка был огромным. Окно во всю стену открывало вид на изгиб Москвы-реки и промзоны, но Марк даже не смотрел туда. Он сидел за столом, заваленным распечатками

графиков, и быстро стучал по клавишам ноутбука. При появлении Киры он даже не поднял головы, просто указал пальцем на кожаное кресло напротив.

— Присаживайся, — сухо бросил он. — Лёва, дай ей текст.

Адвокат положил перед Кирой синюю пластиковую папку. Она открыла её. Внутри было страниц двадцать мелкого юридического текста.

— Коротко по пунктам, чтобы не терять время, — Марк закрыл ноутбук и скрестил пальцы на столе. — Брак регистрируем в следующую среду в ЗАГСе на Кутузовском. Без прессы внутри, только на выходе сделаем пару кадров для светских каналов. Переезжаешь ко мне в пентхаус на Остоженке. Там два крыла. Твое — гостевое, дальнее. У тебя своя спальня, своя ванная. В мою часть дома без приглашения не заходить. Личная жизнь у каждого своя, но с условием: никаких мужиков у тебя, никаких скандалов в прессе. На все официальные мероприятия фонда, семейные ужины с моей матерью ходишь со мной. Улыбаешься, держишь под руку, изображаешь счастливую дуру. Бюджет на одежду и карманные расходы Лёва прописал в приложении №2. Попытка расторгнуть брак раньше срока или слить инфу журналистам — штраф пять миллионов долларов и возврат долга Седому. Вопросы?

Кира медленно перелистнула страницу, где стояла таблица с какими-то цифрами. Её тошнило от его тона — как будто он покупал партию б/у станков для типографии.

— Есть один вопрос, — Кира закрыла папку и посмотрела Марку прямо в глаза. Глаза у него были уставшие, под ними залегли темные круги. — У меня есть кот. Коржик. Британский короткошерстный, серый. Семь килограммов чистого веса. Он едет со мной. Без него никакой сделки не будет, я его ни в какой приют не отдам и подругам не оставлю.

В кабинете наступила мертвая тишина, было слышно только, как тихо гудит кондиционер где-то под потолком и Лев Борисович, стоявший у шкафа с папками, вдруг закашлялся, пытаясь скрыть смешок, и отвернулся.

Марк Левицкий замер. Его пальцы медленно расцепились. Брови поползли вверх, лицо вытянулось.

— Кот? — переспросил он, будто она сказала, что привезет с собой табор цыган. — В моем пентхаусе паркет из натурального беленого дуба. Диваны в гостиной — итальянская кожа, спецзаказ. У меня клининговая служба два раза в неделю все до блеска вылизывает. Никаких животных. От них шерсть, грязь и вонь. Исключено. На период контракта отдай его своей подруге в пайетках.

— Я же сказала: без кота контракта не будет, — Кира откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди. Ей вдруг стало легко. Этот всемогущий миллиардер, который только что расписал её жизнь на год вперед как расписание электричек, сломался на простом сером коте. — Коржик не вредит мебели, если ему вовремя стричь когти и купить нормальный комплекс. И он не пахнет. Так что выбирайте, Марк Андреевич. Либо вы терпите семь килограммов шерсти на своем беленом дубе, либо ищите другую дуру без долгов и которая согласится играть вашу жену под прицелом детективов вашего кузена Артура. Время пошло, у вас же рынки просели и вам некогда.

Марк смотрел на неё около минуты. Челюсть у него ходила ходуном. Он привык ломать людей на переговорах, выжимать из партнеров последние проценты маржи, но эта девчонка в заношенной джинсовке сидела напротив и торговалась из-за кота с таким видом, будто у неё за спиной стоял ядерный арсенал.

— Лёва, — не оборачиваясь, процедил Марк. — Допиши в доп-соглашение пункт про кота. Если эта скотина раздерет хотя бы один мой кроссовок Logo Piana, я лично сделаю из него воротник.

— Не сделаете, вы subtilный для этого, — спокойно парировала Кира. — Давайте ручку.

Адвокат быстро подбежал к столу, забрал папку, что-то черкнул ручкой внизу последней страницы и вернул документ. Кира взяла тяжелую черную ручку Parker, которая лежала на столе, и размашисто расписалась на трех экземплярах. Марк забрал ручку из её пальцев и поставил свою подпись — короткую, похожую на кардиограмму умирающего больного.

— Всё, — Лев Борисович забрал бумаги, сияя как начищенный пятак. — Кира Анатольевна, поздравляю Вас! Деньги Седому уже ушли, мои люди контролируют процесс перевода и завтра в десять утра к вашему подвалу приедет грузовой фургон службы переезда. Соберите вещи, инструменты и всё необходимое, а так-же объект серого цвета. Марк, а у тебя совет директоров через пять минут.

Марк встал со своего кресла, поправил манжеты рубашки и даже не посмотрел на Киру.

— Свободна, — бросил он, открывая ноутбук обратно. — Завтра без опозданий. Осторожно, дом двенадцать, квартира четыре, охрана на въезде предупреждена и ждёт тебя.

Кира поднялась, забрала свой экземпляр папки и пошла к выходу. У самой двери она обернулась.

— Кстати, Марк Андреевич, та картина Дейнеки на аукционе... Её все-таки купили?

— Купили, — не поднимая глаз, ответил он. — За двенадцать миллионов.

— Сочувствую покупателю, — Кира ухмыльнулась и вышла в коридор, громко хлопнув тяжелой дубовой дверью.

Год в роли жены робота из Сити официально начался.

Глава 3. Правила совместного выживания

Фургон с надписью «Деликатный переезд» застрял на въезде во двор дома 12 по Остоженке в 10:15 утра. Въезд перекрывал припаркованный у ворот представительский седан с номерами серии АМР. Водитель фургона трижды просигналил, после чего из будки охраны вышел молодой человек в черном костюме, коротко взглянул на накладные грузчиков и нажал кнопку пульта. Тяжелые кованые ворота медленно поползли в сторону, открывая доступ во внутренний двор, выложенный гранитной брусчаткой.

Кира сидела на переднем сиденье грузовика, прижимая к коленям пластиковую переноску. Коржик внутри вел себя на редкость тихо, кот перестал орать еще на Садовом кольце, осознав тщетность сопротивления и теперь лишь изредка издавал утробное ворчание, когда машина подпрыгивала на неровностях асфальта.

— Сюда, хозяйка, — старший смены, плотный мужчина по имени Олег, открыл пассажирскую дверь и протянул Кире руку. — Лифт грузовой с обратной стороны здания, через паркинг. Жильцы просили парадный подъезд не занимать коробками. Марк Андреевич звонил полчаса назад, предупредил.

Перенос вещей занял два часа сорок минут. Кира лично контролировала подъем каждого ящика. Всего коробок было шестнадцать: шесть с одеждой и обувью, две с книгами по искусствоведению и анатомии, восемь — со специальным реставрационным оборудованием. Самым тяжелым оказался деревянный ящик с чугунной ступкой для перетирания сухих пигментов, тремя кварцевыми лампами и набором прецизионных скальпелей немецкого производства. Грузчики тащили его вдвоем, тяжело дыша и проклиная старых мастеров.

Пентхаус Левицкого занимал два верхних этажа шестизэтажного клубного дома. Пространство первого уровня было организовано по принципу студии: объединенная гостиная и кухня площадью около ста двадцати квадратных метров. Стены были облицованы серым матовым керамогранитом под бетон, пол — массивная доска из выбеленного дуба, покрытая матовым лаком. Никаких ковров, плинтусов или мелких предметов декора. У правой стены стоял длинный диван из темно-серой замши, напротив него — встроенная стойка с аудиосистемой и плоским экраном телевизора. Кухонная зона отделялась островом из черного кварцита, и это было по особенному красиво.

У подножия лестницы, ведущей на второй уровень, Киру встретил пожилой мужчина в темно-синем жилете поверх белой рубашки. Это был Лев Борисович. В руках он держал планшет с открытым файлом описи имущества.

— Добрый день, Кира Анатольевна, — адвокат кивнул, не улыбаясь, но взгляд его был спокойным и глаза добрые — Грузчики закончили, все шестнадцать коробок подняты в целостности и сохранности. Подпишите накладную вот здесь.

Кира взяла стилус и расписалась на экране планшета. Пальцы слегка затекли от долгого удерживания ручки переноски.

— Марк просил передать, что ваше размещение на втором уровне левого крыла. — продолжил Лев Борисович, сверяясь с планом квартиры. — Там спальня площадью двадцать восемь метров, смежный санузел и отдельная комната в шестнадцать квадратных метров. По моему распоряжению оттуда убрали гостевую мебель. Окна выходят на север, во двор. Для вашей работы с холстами это оптимально, прямых солнечных лучей не будет. Горничная Галина приходит по понедельникам, средам и пятницам с девяти до тринадцати. Она занимается уборкой и стиркой. Продукты заказываются через службу доставки дважды в неделю, список можете оставлять на кухонном острове.

Кира искренне не понимала зачем ей это всё описывают и рассказывают все эти подробности, ей это всё было неинтересно, но она сочла это за профессиональные издержки юриста. Поэтому просто молча слушала.

— Где сам Левицкий? — Кира поставила переноску на пол и потянула замок дверцы.

— В главном офисе на Пресненской набережной. У него совет директоров по поводу реструктуризации активов угольного дивизиона. Освободится не раньше восьми вечера. В девятнадцать часов за вами приедет водитель. Марк ждет вас в ресторане на Новом Арбате, там запланирована встреча с представителем компании-регистратора. Нужно подписать три экземпляра брачного договора в окончательной редакции, с учетом внесенных вчера изменений, по поводу вашего питомца.

Коржик медленно высунул серую морду из пластикового проема. Не понимая где он находится, принялся к запаху дорогой химии для уборки, брезгливо дернул лапой, ступив на гладкий дубовый паркет, и мгновенно перебежал под диван, скрывшись за массивными ножками. Чувствуя себя там более безопаснее.

— С животным вопрос решен, — Лев Борисович заблокировал планшет. — Марк подтвердил пункт 4.2 дополнительного соглашения. При условии отсутствия следов когтей на мебели из шпона ореха. В противном случае — компенсация по рыночной стоимости реставрации. Я пойду, Кира Анатольевна. У меня заседание в арбитраже. Располагайтесь.

Адвокат ушел, тихо прихлопнув за собой массивную входную дверь, обшитую бронированными панелями. Кира осталась одна посреди пустого зала. Из-под дивана раздавалось глухое ворчание Коржика. Она подошла к кухонному острову, открыла встроенный холодильник. Внутри стояли ровные ряды бутылок с минеральной водой без газа, три упаковки сыра пармезан, нарезанный хамон в вакууме и несколько контейнеров с готовой едой из ресторана с наклейками дат упаковок.

Она поднялась на второй этаж по деревянной лестнице со скрытым крепежом. Ступени не издавали ни единого звука. Левое крыло действительно оказалось изолированным. Спальня была оформлена в тех же серых тонах, широкая кровать с жестким ортопедическим матрасом, две лаконичные тумбочки, встроенный шкаф во всю стену с раздвижными зеркальными дверями. Санузел за перегородкой из матового стекла поражал чистотой — сантехника из нержавеющей стали, серый гранит на стенах, три комплекта белых махровых полотенец на специальной сушилке.

Кира прошла в будущую мастерскую. Комната была пуста, если не считать четырех розеток на уровне пола и мощного светодиодного светильника на потолке с регулировкой цветов. Это порадовало: при таком свете можно было работать даже ночью, выставляя нейтральный дневной спектр для точного подбора колера красок.

Она вернулась вниз и начала перетаскивать коробки на второй этаж. Это заняло около часа. Спина начала ныть, джинсы покрылись слоем строительной пыли от старых деревянных ящиков. Кира методично распаковывала оборудование.

Первым делом она вытащила из деревянного футляра восемь предметов из коллекции Фаберже, которые отец оставил в её мастерской на Преображенке перед тем, как скрыться. Четыре небольшие эмалевые табакерки с золотыми накладками, две рамки для фотографий с миниатюрами, инкрустированные мелким речным жемчугом, и две фигурки животных из резного нефрита с глазами-рубинами. Все предметы были подлинными, конца девятнадцатого века, с четкими клеймами мастера Михаила Перхина. Кира внимательно осмотрела каждый предмет через часовую лупу с четырехкратным увеличением. Сколов эмали не было, золото не имело свежих царапин. Она завернула предметы в безкислотную папиросную бумагу, уложила обратно в плотный бархатный ложемент и спрятала коробку на самую верхнюю полку встроенного шкафа в спальне, завалив её тремя тяжелыми свитерами. Марк туда не полезет, горничной там делать нечего.

Затем Кира занялась инструментами. На подоконнике мастерской выстроились стеклянные банки с химикатами: диметилформамид для удаления старого потемневшего лака, этиловый спирт высшей очистки, пинен, льняное масло, несколько видов натурального клея — кроликового и осетрового, который она сама варила на водяной бане две недели назад. Рядом легли планшеты с кистями: колонок от номера 00 для тончайших прописей до плоской синтетики номер 12 для нанесения защитного лакового слоя.

После того, как Кира всё разложила, она спустилась на кухню. Коржик к этому моменту осмелел, вылез из-под дивана и теперь сидел посреди гостиной, внимательно изучая массивную люстру, свисающую со второго уровня.

— На, ешь обжора, только о еде и думаешь, — Кира насыпала сухой корм в привезенную из дома керамическую миску и поставила её у кухонного острова. Кот подошел не сразу, сначала обнюхал ножку барного стула, потом принялся за еду, громко хрустя шариками кролика с рисом.

В 18:45 Кира переоделась. Она выбрала темно-синее трикотажное платье из тех, что привезли грузчики из магазина по заказу Льва Борисовича. Ткань была плотной, без лишних деталей, длина — чуть ниже колена. Из украшений остались только дедовские часы «Победа». Кира проверила завод — часы шли ровно, секундная стрелка двигалась без рывков. В 19:00 ровно на экране телефона высветился незнакомый номер.

— Кира Анатольевна? Водитель Алексей. Черный Майбах, номер 777. Жду у главного входа, — произнес спокойный мужской голос.

До Нового Арбата доехали за двенадцать минут благодаря выделенной полосе. Ресторан располагался на втором этаже торгово-офисного центра. Внутри было прохладно, пахло дорогим табаком и стейками. За дальним столиком у окна сидел Марк Левицкий. Он уже сменил рубашку — теперь на нем была темно-серая, без галстука, пиджак висел на спинке соседнего стула. Перед ним стоял открытый ноутбук и три толстые папки с документами. Рядом сидел бледный молодой человек в очках с тонкой металлической оправой — представитель регистратора.

Кира подошла к столу и села на свободное кресло напротив Марка. Он поднял глаза, коротко осмотрел её платье, задержал взгляд на часах, но ничего не сказал. Только кивнул юристу:

— Начинай, Игорь.

— Кира Анатольевна, добрый вечер, — юрист открыл первую папку. — Перед вами окончательный текст брачного договора. Пункт 2.1 — режим раздельной собственности на все имущество, приобретенное как до брака, так и во время него. Пункт 3.5 — Вам будут выплачивать, фиксированную сумму ежемесячного содержания на личные расходы и потребности. В размере трехсот тысяч рублей, перечисляется на расчетный счет в банке-партнере и также оформлена карта на ваше имя, Лев Борисович передаст её завтра. Пункт 5.2 — обязательство по неразглашению условий данного соглашения и самого факта заключения фиктивного брака. Штрафные санкции — пять миллионов долларов США по курсу ЦБ на день предъявления требования. Срок действия договора — триста шестьдесят пять календарных дней с момента регистрации в ЗАГСе.

Кира взяла ручку, начала читать текст, она не торопилась и вычитывала внимательно каждую формулировку. Юридический язык был сухим, жестким и никаких лазеек для неё не оставляли. Марк молча пил воду, глядя в окно на проезжающие по Арбату машины. Его лицо не выражало ничего, кроме глухого раздражения от потери времени.

Через двадцать минут Кира показывая свою важность, перевернула предпоследнюю страницу третьего экземпляра и подняла взгляд на юриста.

— Про кота дописали? — спросила она, глядя на юриста.

— Да, приложение №4, страница 19, — Игорь быстро перелистнул страницу. — «Сторона-2 имеет право на содержание одного домашнего животного семейства кошачьих весом до восьми килограммов. Сторона-2 несет полную материальную ответственность за ущерб, причиненный указанным животным элементам отделки и мебели жилого помещения».

Кира подписала все три экземпляра. Марк сделал то же самое быстрыми, резкими движениями, почти прорывая бумагу пером ручки. Юрист забрал две папки, аккуратно уложил их в кожаный портфель, поклонился и вышел из-за стола, оставив один экземпляр Кире.

— Ешь, — Марк пододвинул к ней меню, которое до этого лежало на краю стола. — У нас есть полчаса. Потом нужно вернуться на Остоженку. Завтра утром приедет стилист, нужно подобрать три комплекта одежды для официальных выходов. В пятницу — первый совместный ужин у моей матери в Жуковке. Там будет Артур. Он нанял частного детектива из бывших сотрудников МУРа, тот уже копает твою биографию. Вчера они проверяли твою мастерскую на Преображенке, опрашивали соседей.

Кира замерла, не открывая меню.

— И что они нашли?

— Ничего, что могло бы аннулировать контракт, — Марк закрыл ноутбук и убрал его в портфель. — Твой отец скрылся, официально он в розыске не числится, заявлений от Громова пока нет. Для внешнего мира ты просто талантливый реставратор из небогатой семьи, с которой я познакомился полгода назад. Детектив Артура зафиксировал, что ты часто бывала в фонде. Лёва задним числом оформил два договора на экспертизу графики девятнадцатого века, так что бумажный след чист. Главное — веди себя естественно. Не пытайся казаться светской львицей, у тебя это плохо получается. Твоя естественная резкость и знание живописи — это лучший щит. Моя мать любит прямолинейных людей, она сама тридцать лет руководила юридическим департаментом крупного холдинга. Фальшь она почует сразу.

— Я не собираюсь фальшивить, — Кира открыла меню и выбрала самый простой салат с курицей и минеральную воду. — Мне скрывать нечего, кроме того факта, что ты платишь за этот штамп. Во всем остальном я остаюсь собой. Если твоему кузену это не нравится, пусть жалуется в арбитраж.

Марк впервые за вечер усмехнулся — уголком рта, быстро и почти незаметно.

— Зубастая, это хорошо. Артур привык иметь дело с глупыми девицами, которые теряются при первой же проверке и с тобой ему будет сложнее. Но не расслабляйся, он играет по-крупному и если сорок процентов акций уйдут ему, фонд будет обанкрочен через год, все активы выведут в офшоры, а уникальная коллекция русского авангарда, которую мой отец собирал сорок лет, пойдет с молотка на серых аукционах в Азии, а я этого не допущу. Любой ценой.

Официант принес заказ, они ели в полном молчании, слышен был только глухой стук приборов о фарфор и гул голосов из зала. Кира отметила, что Марк ест механически, почти не замечая вкуса еды, а его мысли явно были заняты расчетами и графиками, которые он изучал в ноутбуке. Этот человек напоминал ей старинные напольные часы с усложнениями, куча шестеренок, пружин, камней и все крутится с идеальной точностью, но внутри — абсолютная пустота и холодный металл.

Закончив есть, они вышли из ресторана. Тот же черный Майбах ждал у входа. По дороге назад Марк не произнес ни слова, он без остановки просматривал почту на телефоне и изредка отправляя короткие текстовые ответы.

В квартире на Остоженке было тихо, Коржик перебрался из-под дивана на подоконник в гостиной и теперь дремал, свернувшись плотным клубком, Марк прошел мимо кота и даже не взглянув на него, может быть вообще не заметил. Он поднялся на второй этаж и скрылся в своем правом крыле, а через минуту оттуда донесся глухой звук закрывающейся двери.

Кира подошла к коту, погладила его по плотной шерсти на загривке и почесала за ухом.

— Ну что, напарник, — тихо сказала она. — Бумаги подписаны и теперь обратного пути нет. Первые триста тысяч завтра упадут на карту. Начнем закупать реактивы для Фаберже. Работа предстоит долгая, а этот робот сверху пусть занимается своими акциями. Главное — держать дистанцию и не наступать на его дубовый паркет без крайней необходимости.

Кот приоткрыл один желтый глаз, издал короткое «мяу» и снова закрыл его, уткнувшись носом в хвост. Кира вздохнула, забрала свой экземпляр брачного контракта и пошла к лестнице. Первые сутки в роли фиктивной невесты миллиардера подходили к концу. Завтрашний день обещал быть еще более плотным — стилисты, примерки и подготовка к выезду в Жуковку, где ей предстояло столкнуться с людьми, для которых четыре миллиона долларов были всего лишь ценой загородного автомобиля.

Глава 4. Ликвидация долга и инструктаж.

В среду в 07:15 утра Кира проснулась от резкого, трижды повторившегося звука домофона, она накинула серый фланелевый халат и вышла из своего крыла на втором ярусе. Спустилась по деревянной лестнице к входной двери, на экране панели высвечивалось лицо Льва Борисовича. Он стоял перед камерой, прижимая локтем к боку два объемных кофра из плотного черного нейлона, для перевозки одежды.

Кира нажала кнопку разблокировки замка, адвокат вошел в прихожую, тяжело дыша, и сразу переставил кофры на узкую банкетку у стены. За его спиной в квартиру вошла невысокая женщина лет сорока в сером комбинезоне с широким кожаным поясом, на котором висели подсумки с фиксаторами.

— Доброе утро, Кира Анатольевна, — Лев Борисович достал из кармана жилетки носовой платок, вытер лоб и сверился с наручными часами. — Время ограничено, это Жанна, специалист по визуальному сопровождению фонда и у неё чёткая задача от Марка Андреевича: подобрать комплекты одежды на ближайшие три дня, включая сегодняшний выезд к Елене Владимировне. Марк на объекте в Капотне с шести утра, там авария на резервуаре нефтебазы, но он вернется к полудню.

Коржик, который как раз вышел из кухни после утреннего осмотра пустых мисок, при виде Жанны резко остановился. Кот прижал уши к голове, глухо зарычал и быстрой рысью ушел обратно на второй этаж, скрывшись под кроватью в спальне.

— Перейдем в вашу гардеробную, — Жанна взяла один из кофров, расстегнула молнию и достала оттуда три вешалки с чехлами. — Лев Борисович передал ваши параметры, но нужна точная подгонка по длине подола. Обувь я взяла тридцать седьмого и тридцать седьмого с половиной размеров, нужно примерить обе пары на плотный носок.

Следующие два часа прошли в непрерывных переодеваниях. Жанна работала методично, не отвлекаясь на разговоры. Первым комплектом шло темно-синее платье из плотного джерси с добавлением вискозы — то самое, которое предназначалось для Жуковки. Ткань оказалась тяжелой, она не сминалась при ходьбе и полностью закрывала колени. Жанна заставила Киру сесть на стул, пройти до окна, наклониться и поднять с пола коробку, проверяя, не собирается ли материал складками на талии.

— Трикотаж держит форму, — Жанна сделала отметку в блокноте. — Длину рукавов оставляем три четверти. Теперь туфли. Надевайте левую тридцать седьмого, правую тридцать седьмого с половиной. Пройдитесь по паркету. Какой размер плотнее сидит в пятке?

— Тридцать седьмой, — Кира остановилась у края ковра. — Но жесткий задник, через час ходьбы натрет мозоль.

— Лев Борисович даст специальный силиконовый спрей для растяжки кожи, обработаете изнутри перед выездом, — Жанна забрала вторую пару и убрала её в коробку. — Теперь макияж и волосы. Садитесь к свету.

Процедура подготовки лица заняла еще сорок минут. Жанна не использовала ярких пигментов. Она нанесла плотную матирующую базу, которая полностью скрыла следы усталости и мелкие царапины на пальцах — результат Кириной работы с натяжкой холстов. Волосы были тщательно расчесаны, обработаны фиксирующим составом без глянцевого блеска и собраны в тугой низкий пучок на затылке с помощью шести стальных шпилек.

— Посмотрите в зеркало, — Жанна отошла в сторону.

Кира взглянула на свое отражение. Изменилась не столько внешность, сколько геометрия фигуры, строгие линии платья, отсутствие лишних деталей и собранные волосы делали её визуально старше и собраннее. Она выглядела как штатный эксперт крупного музея или

оценщик аукционного дома и только старые часы «Победа» на левом запястье выбивались из общего ряда.

— Эти часы нужно снять, — Жанна указала на кожаный ремешок. — Марк Андреевич передал коробку со стальными Longines (Лонжин) — знаменитый швейцарский бренд роскошных часов класса «люкс», они нейтральные, без гравировок и камней. Подходят под синий цвет ткани.

— Часы остаются, — Кира опустила рукав платья, закрывая циферблат. — Механизм проверен, они идут точно. Мы договаривались с Марком, что личные вещи я не меняю.

Лев Борисович, наблюдавший за процессом из кресла в углу, поднял руку и махнул.

— Жанна, оставь, в допсоглашении ограничений по часам нет и для оценщика живописи иметь старый советский хронометр — это допустимая деталь биографии. Елена Владимировна сама разбирается в наградных часах пятидесятих годов, это может послужить темой для нейтрального разговора.

Жанна кивнула, закрыла свой кейс с инструментами, зафиксировала замки и вышла из комнаты. Через пять минут за ней закрылась входная дверь квартиры.

В полдень, в холле раздался характерный металлический щелчок электронного замка и вошел Марк Левицкий. Его пиджак был перекинут через левую руку, рукава белой рубашки были закатаны до локтей, а на лбу проступала темная полоса от каски. Он выглядел уставшим, но движения оставались быстрыми и точными. Он прошел к кухонному острову, достал из холодильника бутылку углекислой минеральной воды, открыл её и выпил половину прямо из горлышка.

— Лёва, давай документы, — Марк повернулся к адвокату, который уже вытаскивал из портфеля плотную папку-скоросшиватель.

— Все готово, Марк Андреевич, — Лев Борисович положил папку на кварцевую столешницу и открыл первую страницу. — Транзитный платеж на четыре миллиона долларов США прошёл через банк-корреспондент в 09:15. Юристы Руслана Седого подписали мировое соглашение и акт полного урегулирования взаимных требований. Расписка вашего отца, Анатолия Волкова, изъята из их сейфа и аннулирована. Вот оригинал.

Марк взял из папки желтоватый лист бумаги формата А4, исписанный мелким, неровным почерком Кириного отца. Поперек текста стоял фиолетовый штамп юридической компании с надписью: «Обязательства исполнены в полном объеме. Претензий нет. 05.07.2026». Он перешагнул через ковер и протянул лист Кире.

Кира взяла бумагу. Внимательно проверила подпись отца внизу и фамилию доверенного лица Седого. Все было подлинным. Четыре миллиона долларов, из-за которых её брату Максу грозила реальная опасность, больше не существовали как долг. Их ликвидировали за одно утро с помощью нескольких банковских проводок.

— Спасибо, — Кира аккуратно сложила лист вчетверо и убрала в карман халата.

— Не за что, это закрытие первого этапа сделки, — Марк допил воду и поставил бутылку на стол. — Твой отец чист перед Седым. Теперь ты выполняешь свои обязательства по договору. Выезд в Жуковку ровно в 17:45. До этого времени ты обязана изучить структуру активов фонда, которая находится в серой папке у Лёвы. Там сорок страниц текста и мне нужно, чтобы ты твёрдо знала три вещи, структуру управления, имена ключевых членов совета директоров и суть претензий Артура. Лёва, дай ей краткую выжимку всего.

Адвокат передал Кире несколько скрепленных между собой листов бумаги и отпечатанных мелким шрифтом.

— Слушай внимательно, — Марк подошел ближе к Кире, встав прям впрытик к ней и его голос стал жестче. — Основной актив фонда это сорок процентов акций компании «Инвест-Юг». Именно их отец завещал мне при условии заключения брака до тридцати лет, но мой кузен Артур владеет тридцатью процентами через офшор на Кипре и остальные тридцать рас-

пределены между миноритариями — это бывшие партнеры отца, пять человек, все старше семидесяти лет. Артур пытается доказать в суде, что пункт завещания о браке является дискриминационным и нарушает его права как прямого наследника второй очереди. Его задача затянуть регистрацию моего брака еще на три месяца, если я не женюсь до октября, его пакет акций автоматически становится блокирующим и он инициирует процедуру банкротства фонда для распродажи имущества.

— Зачем ему банкротить прибыльную компанию? — Кира бегло просматривала имена директоров в списке.

— У него долги по инвестиционным контрактам в Великобритании, — ответил Марк, беря свой пиджак со стула. — Он вложился в строительство коммерческой недвижимости в Лондоне перед самым кризисом, сейчас все объекты заморожены и банк требует досрочного возврата кредитов. Ему нужны живые деньги здесь и сейчас, цена сорока процентов акций «Инвест-Юга» на черном рынке — около восьмидесяти миллионов долларов, а если они уйдут китайцам или структурам Артура, компании конец. Завтра на ужине он будет искать любой повод, чтобы доказать, что наш брак это фикция. Он притащит с собой юриста или детектива под видом своего приятеля и любой твой промах, любая нестыковка в нашей истории отношений — и они подадут иск об обеспечительных мерах и заблокируют регистрацию в ЗАГСе.

— Я выучу список, — Кира подняла глаза на Марка. — Но мне нужно знать больше про твою мать. Елена Владимировна поддержит Артура, если узнает правду?

Марк на секунду остановился у двери. Его лицо потемнело.

— Мать не поддерживает Артура, она считает его ничтожеством, но она не поддержит и меня, если поймет, что я нарушил волю отца и пошел на обман. Она фанатично предана букве закона, тридцать лет работы в юридической системе научили её верить только документам и фактам. Если она увидит, что ты не знаешь элементарных вещей о моей жизни, или путаешься в датах нашего знакомства, она сама аннулирует завещание через суд. Ей плевать на деньги, ей важен принцип и поэтому учи. Лёва, останься с ней, проверь знание биографических данных через три часа. Я в офис.

Марк вышел из квартиры, глухо стукнув тяжелой дверью.

Лев Борисович вздохнул, устроился поудобнее в кресле и достал из кармана ручку.

— Ну что, Кира Анатольевна, начнем с простого. Где родился Марк Андреевич?

— В Ленинграде, в 1996 году, тридцатого октября, — без запинки ответила Кира, садясь напротив него за стол. — Отец — Андрей Петрович Левицкий, основатель фонда. Мать — Елена Владимировна, девичья фамилия Соколова.

— Хорошо. Какую графику вы реставрировали для фонда в январе этого года согласно нашей официальной легенде?

— Восемь листов эскизов театральных костюмов работы Александры Экстер к спектаклю «Саломея» 1917 года, — Кира перевернула страницу памятки. — Поступление из частной коллекции Громова. Техника — гуашь, тушь, бумага. Состояние при поступлении — сильное загрязнение поверхности, следы старого силикатного клея по краям, три разрыва основы до двух сантиметров. Работа велась три недели в моей мастерской. Марк приехал принимать работу двадцатого января в четырнадцать часов. Там мы впервые подробно общались.

— Отлично, хронология усвоена, — адвокат сделал пометку на полях. — Теперь по поводу Артура. Его детектив зафиксировал твой визит в автомеханический колледж к брату Максиму в прошлый четверг. Если Артур спросит, зачем ты туда ездила, что ответишь?

— Возила ему деньги на покупку комплекта зимней резины для его подержанной «мицубиси», — спокойно произнесла Кира. — Максим подрабатывает в сервисе, я помогаю ему с оплатой учебы и запчастей. Это бьется по моим банковским выпискам — я сняла тридцать тысяч рублей с карты в четверг утром в отделении на Преображенском валу.

Лев Борисович удовлетворенно кивнул и закрыл свой блокнот.

— Логика железная, придаться не к чему. Главное сохраняйте этот тон вечером, никаких эмоций и никаких оправданий. Артур будет давить на ваш социальный статус и будет пытаться спровоцировать на резкость. Ваша резкость, это нормально, вы художник и вы имеете право на характер. Но этот характер должен быть подкреплён точным знанием фактов. У вас есть три часа до приезда машины, повторите еще раз структуру филиалов «Инвест-Юга» в Поволжье, там у них основные перерабатывающие мощности и помните Артур любит козырять цифрами по объему отгрузки сырья.

Адвокат поднялся, собрал свои документы в портфель и направился к выходу.

— Я поеду в ЗАГС, нужно проверить готовность документов на среду, до вечера, Кира Анатольевна и постарайтесь отдохнуть хотя бы полчаса перед выездом, чтобы не выглядеть уставшей.

После ухода Льва Борисовича в квартире воцарилась полная тишина. Кира подошла к раковине, включила измельчитель отходов и по одному опустила туда обрезки отцовской расписки, которые она предварительно изорвала на мелкие части. Аппарат глухо зарычал, перемалывая плотную бумагу и через тридцать секунд вода полностью смыла последние следы Кирино долга.

Она вернулась в гостиную, села на диван и положила перед собой листы с выжимкой по филиалам фонда. Коржик медленно выполз из-под лестницы, подошел к её ногам и тяжело запрыгнул на диван рядом. Кот лег вдоль Кирино бедра, уткнулся носом в плотную ткань нового синего платья и негромко заурчал.

— Ну что, Корж, — Кира погладила его по жесткой короткой шерсти. — Названия заводов в Самаре и Сызрани я выучу. Главное, чтобы твой паркет остался цел, пока мы сдаем этот экзамен.

Стрелки часов «Победа» на её руке показывали 14:15. До выезда в Жуковку оставалось ровно три с половиной часа. Текст контракта работал, долг был ликвидирован, и теперь обратного пути со второго этажа пентхауса на Остоженке у неё не было.

Глава 5. Проверка в Жуковке

Пятиметровые бетонные заборы Рублёвки, мелькавшие за тонированным окном «Майбаха», навевали на Киру глухую и беспросветную тоску. Дождь молотил по крыше машины с такой силой, словно по ней рассыпали ведро старых болтов. Дворники бешено, с мерзким резиновым скрипом размазывали потоки грязной воды по лобовому стеклу, а в салоне стояла такая оглушительная тишина, словно они ехали на кладбище, а не на семейный ужин к будущей свекрови.

Кира сидела на заднем сиденье справа, вжавшись спиной в кожаный подголовник и пыталась незаметно пошевелить пальцами ног. Это была катастрофа, туфли из жесткой лакированной кожи, которые утром с видом заправского инквизитора вручила ей Жанна, оказались орудием средневековых пыток. Правая пятка горела так, словно туда залили расплавленный свинец, а левый мизинец онемел еще на МКАДе.

— Слушай, Левицкий, — не выдержала Кира, поворачиваясь к Марку и нарушая эту похоронную паузу. — Твой стилист — латентный садист. Честное слово, эти туфли созданы для того, чтобы стоять в них на витрине, а не ходить по грешной земле. Если я прямо на пороге рухну к ногам твоей мамы и сломаю себе что-нибудь важное, мы спьем это на мои внезапные судороги от избытка чувств к тебе?

Марк даже не повернул головы. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, и хмуро смотрел прямо перед собой — на затылок водителя Алексея. Его челюсти были сжаты настолько сильно, что на щеках ходили жесткие, угловатые желваки. Пальцы его правой руки мерно, в каком-то рваном, нервном ритме постукивали по кожаному подлокотнику.

— На ужине тебе не придется бегать марафоны, Кира, — его голос прозвучал сухо и отрывисто, как выстрел строительного пистолета. — Твоя задача — дойти от машины до гостинной, сесть на диван, держать спину ровно и не открывать рот, пока тебя не спросят. И перестань наконец дергать рукав платья. Ты его порвешь еще до того, как мы войдем в дом. Повтори даты. Быстро. Мы почти приехали.

Кира шумно, со свистом выдохнула через нос и демонстративно закатила глаза к замшевому потолку машины.

— Двадцатого января ты снизошел до моей подвальной мастерской на Преображенке, чтобы лично забрать отреставрированные эскизы Экстер, — затараторила она механическим, лишенным всякого выражения тоном, словно школьница на нудном экзамене. — Восьмого марта мы пили кофе в том пафосном ресторане на Малой Бронной, где ты поразил меня своей душевной черствостью, полным отсутствием романтических иллюзий и манерой смотреть на людей как на налоговые декларации. Первого мая я окончательно сдалась под твоим финансовым натиском, собрала свои скромные пожитки, кошачий лоток, коробку со старыми кистями и официально переехала к тебе на Остоженку. Я ничего не упустила из нашей великой и чистой истории страсти, написанной твоими юристами?

— Хронология — твой единственный щит на сегодня, Волкова, — Марк наконец соизволил повернуться к ней лицом. Его глаза в полумраке салона казались абсолютно прозрачными и холодными, как куски колотого льда в стакане. — Артур — прирожденный стервятник. Он уже неделю копает под меня, и он совершенно точно притащит с собой кого-то из своих юридических ищек или попытается поймать тебя на какой-нибудь мелкой бытовой детали. Ошибешься хотя бы в одном дне, запутаешься в месяцах — он тут же зацепится, поднимет вой на совете директоров, подаст иск о признании нашего брака фиктивным и заблокирует регистрацию в ЗАГСе. Ты вообще что-то своей творческой головой понимаешь, что сейчас стоит на кону? На кону четыре миллиона долларов твоего отца и моя свобода в компании и

если мы проиграем, твой папа вернется к Седому, а я пойду работать на дядю. Такой расклад тебя устраивает?

— Да помню я, помню про отца, про твои драгоценные сорок процентов акций компании «Инвест-Юг», ради которых ты готов хоть завтра разыграть комедию перед всем честным народом, даже перед родной матерью. Про твоего кузена помню, который хочет всеми силами у тебя отжать наследство и слить всё подчистую, — буркнула Кира, нахмурившись и упрямо поправляя манжет плотного синего платья. Под тяжелой тканью скрывался позолоченный корпус дедовской «Победы», часы тихо и мерно тикали, напоминая, что реальное время всё еще идет, несмотря на этот фарс. — Кстати, Лёва утром заикнулся, что твоя мама тридцать лет руководила юридическим департаментом, мне уже начинать сушить сухари и репетировать чистосердечное признание? Как у неё вообще с чувством юмора?

Марк коротко хмыкнул, но в его улыбке не было ни капли веселья.

— У неё нет чувства юмора, Кира. У неё есть уголовно-процессуальный кодекс и тридцать лет стажа. Она видит фальшь в людях до того, как они успевают открыть рот и сказать «здравствуйте». Если она хотя бы на секунду заподозрит, что мы разыгрываем перед ней дешевый спектакль ради наследства отца, она сама лично пойдет в суд и аннулирует завещание Андрея Петровича. Ей плевать на миллиардные активы, на заводы в Поволжье и на Лондонские долги Артура. Для неё закон и семейные принципы — это религия. Поэтому держи лицо, даже если тебе кажется, что туфли сейчас отгрызут тебе ноги.

Машина мягко сбросила скорость, шины с мокрым шуршанием съехали с асфальта на гравийную дорожку. Большие кованые ворота с монограммой Левицких беззвучно разошлись в стороны, впуская «Майбах» на территорию особняка.

Дом Елены Владимировны не имел ничего общего с вычурными замками новоявленных рублёвских богачей, у которых на фасадах лепнины больше, чем в Зимнем дворце. Это было массивное, приземистое здание из темного колотого известняка и огромных стеклянных панелей. Строгие прямоугольные формы, плоская крыша, с углов которой по широким жестяным трубам с шумом сливались грязные потоки воды. Никакого золота, колонн или львов у входа. Холодный конструктивизм, заявляющий о силе и деньгах своего владельца без лишнего пафоса.

Стоило водителю Алексею обойти машину и открыть пассажирскую дверь, как Марк резко, не дожидаясь помощи, перехватил у него огромный черный зонт с деревянной ручкой. Он жестко, почти грубо прижал Киру к своему боку, обхватив её за талию, и буквально потащил вверх по широким гранитным ступеням к дому. От Марка пахло дорогим парфюмом, мокрой шерстью его тяжелого пальто и чем-то острым, похожим на чистый адреналин.

У самого входа Кира, совершенно не привыкшая к дурацким шпилькам, поскользнулась на мокром камне. Нога вильнула в сторону, она тихо чертыхнулась сквозь зубы и намертво, до хруста в пальцах, вцепилась в лацкан его пиджака. Марк среагировал мгновенно — его ладонь на её талии сжалась сильнее, сильным рывком возвращая её в вертикальное положение. Его пальцы сквозь ткань джерси показались Кире неожиданно горячими, а сам он на секунду замер, глядя ей прямо в глаза.

— Спокойно, Волкова, держись за меня, — прошептал Марк ей прямо на ухо. Его дыхание обожгло кожу шеи, заставив её вздрогнуть. — Считаю, что первый шаг в бездну сделан. Спектакль начался. Сделай глубокий вдох и постарайся не выглядеть так, будто тебя ведут на расстрел.

— Если я упаду, я утащу тебя за собой, Левицкий, — так же тихо пообещала она, судорожно выпрямляя спину. — И твои сорок процентов полетят в ту же лужу.

Тяжелая дубовая дверь распахнулась. В прихожей было тепло, пахло сухими березовыми дровами, натуральным воском для паркета и легким цветочным освежителем. Пожилой мужчина в строгом сером костюме — управляющий домом — с поклоном принял у Марка мокрый

зонт и пальто, после чего вопросительно посмотрел на Киру. Она сама, стараясь не выказывать волнения, расстегнула пуговицы своего легкого плаща и передала его слуге.

— Елена Владимировна и Артур Павлович уже в малой гостиной у камина, ждут вас, — негромко произнес управляющий, указывая рукой направление вглубь коридора. — К столу подадут ровно через десять минут.

Они прошли через анфиладу комнат с полами из светлого мрамора. Малая гостиная оказалась уютной, но строгой комнатой, облицованной панелями из темного мореного ореха. В углу, на массивной чугунной решетке камина, весело и шумно потрескивали дрова, бросая оранжевые отблески на тяжелую мебель.

В глубоком кожаном кресле у самого огня сидела Елена Владимировна. При её виде Кира невольно подобралась — женщина выглядела так, словно всю жизнь провела на парадах. Короткое стальное каре, идеально ровная спина, строгий темно-серый брючный костюм и белая шелковая блузка, застегнутая на все пуговицы до самого подбородка. На руке — только обручальное кольцо и тонкие золотые часы.

Напротив неё, небрежно развалившись на широком диване и вытянув длинные ноги в коричневых замшевых лоферах, сидел молодой мужчина. Его жидкие светлые волосы были гладко зачесаны назад, а в правой руке он лениво покачивал массивный стакан с коньяком, заставляя кубики льда со стуком биться о хрустальные стенки. Это был Артур. При виде вошедших он криво ухмыльнулся, но даже не подумал подняться с дивана.

— О, а вот и наш великий комбинатор, калькулятор с моторчиком! — Артур фальшиво заулыбался, делая большой глоток из стакана. — Марк, дорогой, мы уже думали, что ты остался ночевать на своей многострадальной нефтебазе в Капотне. Юристы шепчутся, что там убытков на тридцать миллионов, а ты всё по бабам ездешь. И... надо же, какая встреча. Ты всё-таки притащил свою подвальную золушку. А Лёва-то утром божился, что у вас всё серьезно и любовь до гроба.

— Добрый вечер, мама, — Марк полностью проигнорировал кузена, уверенным движением подталкивая Киру чуть вперед. — Познакомься, это Кира Анатольевна Волкова. Я говорил тебе о её работе с нашей графикой Экстер.

Елена Владимировна медленно, с достоинством поднялась из кресла. Её рост был небольшим, но за счёт жесткой, почти военной осанки она казалась крупнее всех присутствующих в комнате. Её взгляд — холодный, сканирующий, лишенный каких-либо эмоций — прошелся по Кире сверху вниз. Задержался на гладком пучке волос, оценил строгий крой синего платья, на секунду споткнулся на старых дедовских часах и вернулся к лицу. Кира выдержала этот осмотр. Она не опустила голову, не засуетилась, а просто выдала свою самую проверенную рабочую улыбку — ту самую, которой обычно утихомиривала самых неадекватных и капризных коллекционеров в мастерской.

— Добрый вечер, Елена Владимировна, — произнесла Кира ровным, спокойным голосом. — Много слышала о вашей домашней коллекции графики начала двадцатого века. Надеюсь, мне сегодня разрешат на неё взглянуть хотя бы одним глазком?

Мать Марка едва заметно приподняла левую бровь. На её тонких губах промелькнуло нечто, отдаленно похожее на одобрение.

— Дерзость. Хорошо. По крайней мере, у тебя есть характер, девочка, в отличие от тех безголовых моделей, которых раньше пытался подсовывать мне мой племянник, — Елена Владимировна указала рукой на диван напротив камина. — Садитесь. До ужина осталось несколько минут, обсудим некоторые детали.

Они сели. Марк тут же, демонстративным хозяйским жестом, положил правую руку на спинку дивана позади Кириных плеч, едва ощутимо касаясь пальцами её шеи. От этого прикосновения, от неожиданности у неё по спине сразу пробежала волна колких мурашек, но она заставила себя не дергаться и расслабить плечи.

— Ну расскажи нам, Кирочка, — Артур снова подался вперед, его глаза блестели от нездорового любопытства и жажды расколоть Киру. — Каково это жить с человеком, у которого вместо нормальных человеческих эмоций в голове крутятся только графики доходности филиалов и банковские счёта, он тебе в любви тоже по бизнес-плану признавался и слайды на проекторе показывал? График свиданий утверждал под роспись у секретаря и любовь у вас по расписанию также?

Кира повернулась к нему, изящно закинув ногу на ногу, хотя туфля тут же с новой силой вонзилась в стертую пятку и от боли аж потемнело в глазах, но она сдержала боль, наклонила голову набок и посмотрела на Артура с легким и почти материнским сочувствием.

— Знаете, Артур Павлович, кажется? После долгих лет общения с нашими творческими личностями — художниками, оценщиками и актёрами, которые то в глубоком запое, то в экзистенциальной депрессии, — мужчина с калькулятором вместо сердца — это реально просто подарок судьбы. По крайней мере, я всегда точно знаю, сколько у нас денег на транзитном счёте и во сколько он вернется домой и что его слова имеют реальный вес. Структура, четкость и предсказуемость в наше время — это очень сексуально и надёжно, вам не кажется? Гораздо сексуальнее, чем пустые разговоры о высоком искусстве под дешевый коньяк.

Марк рядом с ней едва заметно, коротко хмыкнул и его пальцы на спинке дивана на секунду сильнее сжали ткань её платья у плеча, выражая молчаливую поддержку. Артур от такой наглости подавился коньяком и глухо закашлялся, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Что? Структура, сексуально и вы это серьёзно? — кузен вытаращил глаза, переводя взгляд с Киры на тетку в недоумении. — Да он же робот! Елена Владимировна, вы вообще верите в эту чушь? Они же решили расписаться только потому, что у Марка поджигают сроки по отцовскому наследству! Они же друг друга ненавидят, это же видно не вооружённым взглядом.

— Артур, закрой рот и иди в столовую, — резко, без крика оборвала его Елена Владимировна. — От твоих рассуждений у меня начинает болеть голова, к тому же от тебя разит дешевым кабаком, а у нас стерлядь на столе. Кира, пойдемте. По дороге расскажете мне, чем вы все-таки выводили этот ужасный старый силикатный клей на эскизах к «Саломее». Марк уверял, что холсты были безнадежны, а вы сотворили какое-то чудо.

За ужином в просторной столовой, оформленной под старинную трапезную с длинным дубовым столом, Артур не унимался. Он практически не прикасался к рыбе и дикому рису, только злобно звякал серебряной вилкой по фарфору и сверлил Киру тяжелым взглядом.

— Кстати, о чудесах и спасении безнадежных вещей, — вдруг громко, с издевкой произнес Артур, бесцеремонно перебивая разговор Елены Владимировны и Киры о свойствах натуральных пигментов и очистке паспарту. — Марк, а как там поживает твой будущий тесть? Анатолий Волков, если мне не изменяет память? Мои хорошие знакомые в определенных ведомствах сегодня утром шепнули мне крайне интересную вещь. За ним ведь висел огромный должок перед ребятами Руслана Седого. Четыре миллиона зеленых, шутка ли! И срок выплаты истекал... вот буквально на этой неделе, в пятницу. Ты не боишься, кузен, что твоя таинственная муза — это просто дорогостоящий способ выкупить папашу из долговой ямы за счёт твоего личного благотворительного фонда? Тётя, тебе не кажется это странным?

В столовой в ту же секунду повисла мертвая, звенящая тишина. Было слышно только, как тяжелые капли дождя снаружи с силой бьют в окно. Елена Владимировна медленно, с характерным стуком отложила нож и вилку на край тарелки и перевела свой тяжелый, прокурорский взгляд на сына.

Кира почувствовала, как внутри у неё всё мгновенно завязалось в тугий ледяной узел и пальцы левой руки сами собой судорожно сжались вокруг корпуса дедовских часов. Вот

оно, прямой удар, о котором предупреждал Марк и сердце заколотилось где-то в районе горла, мешая дышать.

Левицкий, однако, даже бровью не повел, он не спеша взял свой бокал и сделал глоток чистой воды, после чего аккуратно промокнул губы белоснежной льняной салфеткой. Его лицо оставалось абсолютно непроницаемым — идеальный, монолитный покерфейс человека, который привык играть по-крупному и никогда не сбрасывает карты раньше времени.

— Твои знакомые в ведомствах сильно отстали от жизни и зря едят свой хлеб, Артур, — спокойно, без тени раздражения ответил Марк. — Этот долг был полностью закрыт сегодня утром в девять часов пятнадцать минут. Мой юридический департамент провел аудит и закрыл все счета. Дело в том, что наш фонд выкупил у Анатолия Волкова его личную, закрытую коллекцию ранних эскизов художников «Бубнового валета», которая досталась Кире по наследству от деда. Экспертный совет оценил эту графику в четыре с половиной миллиона долларов еще в марте. Сделка абсолютно легальна, налоги будут уплачены в текущем квартале, все документы Лёва зарегистрировал в Минкульте сегодня в десять утра. Так что твои ищейки могут потеряться своими распечатками из баз данных.

Марк чуть подался вперед через стол, и его взгляд стал острым, как бритва.

— А вот то, что ты используешь действующий штат полиции для сбора компромата на членов моей семьи и мою будущую жену — это уже вполне конкретная статья уголовного кодекса, Артур. И если я завтра утром передам аудиозапись твоего нынешнего монолога главе нашей службы безопасности, твой лимит по Лондонскому трастовому счёту будет урезан до нуля решением совета директоров до конца года. До моего тридцатилетия осталось всего три месяца, кузен. И в следующую среду наша свадьба состоится в Грибоедовском ЗАГСе при любом раскладе. Смирись с этим, выпей воды и займись наконец своими собственными долгами, пока тебя самого не упаковали за неуплату налогов в Британии.

Артур побледнел так сильно, что на его висках отчетливо проступили тонкие синие венки. Он резко, с грохотом поднялся со стула, едва не опрокинув чашку с недопитым чаем. Его пальцы, сжимавшие салфетку, мелко дрожали от бешенства.

— Ты... ты всё просчитал, да?! — хрипло закричал он, тяжело дыша и переводя взгляд с Марка на тетку. — Нашёл девку с нужными картинками, прикрылся папашиним завещанием, обложился своими юристами со всех сторон! Думаешь, самый умный здесь?! Да твоя реставраторша спит и видит, как бы твои бабки прибрать!

— Артур, пошел вон из-за стола и прекрати орать на весь дом, ты портишь мне ужин, — холодно и властно прикрикнула Елена Владимировна, даже не повернувшись в его сторону. — Ты устраиваешь постыдную кухонную истерику только потому, что Марк снова оказался умнее, быстрее и профессиональнее тебя. Как, впрочем, и всегда. Твои глупые интриги мне надоели еще в суде. Иди к себе и приведи нервы в порядок.

— Да пошли вы все к черту с вашим фондом, вашими правилами и вашей святоша-невестой! — рявкнул кузен, резко развернулся, выскочил из столовой и с силой захлопнул дверь. Эхо от удара еще несколько секунд вибрировало в стеклах панорамных окон.

В комнате снова стало тихо, только дождь шумел за окном. Елена Владимировна вздохнула, посмотрела на бледную Киру, а потом перевела взгляд на её руку.

— Часы хорошие, — вдруг тихо сказала она, совершенно меняя тон. — «Победа», пятьдесят третий год. У моего отца такие были, наградные за службу на флоте. Надежные. Если смазку вовремя менять, сто лет проработают без сбоев.

Кира растерянно моргнула, медленно отпуская рукав платья.

— Да... Я сама их полностью перебирала месяц назад. Там была сильная выработка на анкерном колесе, пришлось искать донорский механизм того же года и менять деталь. Сейчас ход идеальный, погрешность не больше семи секунд в сутки и работают без единого сбоя

— Вот и хорошо, — мать Марка поднялась из-за стола. — Женщина, которая умеет своими руками чинить старые механизмы и ценит подлинность, вызывает у меня гораздо больше доверия, чем финансовые отчеты моего сына. Пойдем на веранду, Кира, покажешь мне мои литографии, они там желтеть начали от сырости. А ты, Марк, иди в кабинет, твои отчеты по Капотне и графики я завтра посмотрю перед советом.

Марк тоже встал, когда Елена Владимировна отвернулась и пошла к дверям, он быстро перехватил Киру за руку под столом, он сжал её ладонь так сильно, что пальцы хрустнули. Кира посмотрела на него — в глазах у Левицкого было такое облегчение, какого она у него еще никогда не видела за всё время их знакомства.

— Спасибо, — тихо, одними губами сказал он.

— С тебя новые туфли, Левицкий, — прошептала Кира, криво улыбнувшись через силу. — И пачка пластырей. Желательно прямо сейчас. Мужчина с калькулятором вместо сердца.

Она развернулась и стараясь изо всех сил не хромать на растертую в кровь пятку, пошла за его матерью. Внутри всё еще крупно дрожало от пережитого страха, но Кира вдруг отчетливо поняла они прорвались и этот их безумный контракт, кажется, действительно начал работать. Впереди оставалась всего неделя до ЗАГСа и судя по лицу ушедшего Артура, эта неделя обещала быть очень веселой.

Глава 6. Брат за брата, или Проверка на вшивость

Всю дорогу от Жуковки до Остоженки они тупо молчали. В салоне воняло дорогой кожей, парфюмом Левицкого и воском от старых свечей, которые его мать хранила на веранде. Киру до сих пор крупно трясло, то, как Марк за обедом размазал Артура — спокойно и парой фраз лицом в стол, — выглядело жутко. Она косилась на его профиль в темноте, сидит, на дорогу смотрит, ноль эмоций и пойми его: взбесился из-за кузена или это просто дежурный косяк по работе?

На подземной парковке Кира попыталась выйти из машины и поняла, что приплыли. Шпильки, которые ей всучила стилистка, за три часа превратили ноги в куски сырого мяса, ступни горели и хотелось скинуть обувь и пойти к лифту босиком по грязному бетону.

— Стоять, — Марк перехватил ее руку прямо у открытой дверцы. — Еще не хватало, чтобы моя жена — пусть и по бумагам — подцепила какую-нибудь хрень на полу паркинга, или поранилась.

Кира даже съязвить не успела, что у него тут стерильно, как в операционной, Марк просто наклонился, подхватил ее под спину и колени и выудил из салона. На автомате пришлось уцепиться за его шею, чтобы не грохнуться. Рубашка под пальцами оказалась горячей, пахнул он приятно — хорошим парфюмом с нотками табака и чем-то хвойным. И нёс её вообще без натуги, даже дышалка не сбилась, пока до лифта шли.

— Левицкий, пусти, а то пупок развяжется, — буркнула она, утыкаясь носом куда-то в район его ключицы, чтобы не смотреть на него в упор.

— У меня в контракте нет пункта об оплате твоего лечения, Волкова, так что сиди и молчи.

В пентхаусе он сгрузил её на диван в гостиной. Коржик, карауливший у двери, обиженно прижал уши, высказал им всё своим хриплым «мяу» и пристроился прямо к ней на живот — греть. Марк ушел и вернулся с синим пластиковым тазиком. Вода теплая, пахнет сосной и полотенце на плече. Кира аж зависла. Левицкий и тазик — это вообще как?

Он сел на пуфик напротив, закатал рукава рубашки и молча взял ее ногу за лодыжку. Пальцы огромные, жесткие, но держал аккуратно.

— Я бы и сама, вообще-то, — выдавила она. Щеки загорелись. Весь этот сумасшедший день — ужин, наезды Артура, вранье свекрови — всё куда-то делось, пока человек из списка Форбс молча возился с ее ободранными пятками.

— Твоя Яна сейчас бы расплакалась от романтики, — Марк начал слегка разминать затекшую стопу и Кира чуть не застонала от облегчения. — Но это чистый расчет. Завтра съемка для пиарщиков холдинга, если ты будешь ковылять как подбитая утка, то Лёве придется выдумывать историю про то, как мы неудачно упали с лошадей.

— Ну ты и сухарь, — она откинулась на подушки и закрыла глаза. — Но ладно, массаж нормальный. Откуда навыки?

— В Лондоне на гребле руки в кровь стирали за двадцать минут тренировки. Приходилось учиться.

Он закончил, обернул ее ступни полотенцем и не сразу отпустил ногу. Держал ладонь на подъеме стопы, они встретились глазами и в полумраке его взгляд казался совсем темным, а в воздухе повисла странная, душная пауза и не деловая вообще. Из тех, когда в горле пересыхает и не знаешь, что сказать дальше. По коже пошли мурашки.

И тут на журнальном столике бешено завыл ее телефон, на экране высветилось «Макс».

Кира дернулась, едва не плеснув водой из тазика прямо на ковер, Марк вовремя перехватил миску одной рукой и нахмурился.

— Да Макс, привет, ты чего? Два часа ночи, — она прижала трубку к уху, внутри всё сжалось, брат никогда не звонил в такое время просто так и это значило, что что то случилось.

В трубке стоял гул, голоса и трещала рация, а Макс говорил слишком быстро, захлебываясь словами и она не понимала почти не чего — Кир... только без паники, ладно? Короче, я в ментовке, на Преображенке и тут фигня какая-то... Пацаны из бокса говорят — поджог и что машина сгорела, «Панамера» новая. А владелец на меня пальцем тычет, потому что я последний ключи на посту оставлял... Тут адвокаты приехали и прессуют меня, Кир!

— В смысле поджог? — Кира взлетела с дивана, забыв про больные ноги и Коржик с испуганным шипением улетел под кресло. — Макс, ты где, что случилось и какая машина?

— В тридцать четвертом отделе, Кир, тут адвокат этот и он говорит, если сейчас признанку не напишу, то меня до суда в СИЗО кинут. Я не делал ничего, клянусь! Там проводка замкнула, а они на меня всё вешают и говорят, раз батя сидел, то и я...

Связь оборвалась. Телефон выдал короткие гудки, а потом — «абонент недоступен».

Кира тупо смотрела на черный экран, руки затряслись так, что мобильник чуть не выскользнул. Семнадцать лет пацану, гордый дурак, пошел в этот автосервис, чтобы у нее деньги не просить и хотел показать, какой он взрослый. И вот теперь его там ломают. В голове сразу закрутилась жуть камеры, допросы, суды и колония.

— Так... — она начала метаться по комнате, выдергивая из кресла первые попавшиеся джинсы. — Так, надо Лёве... Нет, у меня со двора Колька в прокуратуре был... Нет, Колька в другом районе, он не при делах... Господи, что делать? Где взять адвоката в два часа ночи и у меня на карте всего тысяч тридцать, этого же ни на что не хватит...

Марк вырос передо мной, перекрывая дорогу. Лицо — опять каменная физиономия, с которой он на сделках сидит. Никакого намека на того парня, который только что ей ноги вытирал.

— В таком виде куда? На Преображенке ночные бабочки за свою принять могут, — буркнул он, но без злости, как-то собранно.

— Отвали, Левицкий! — Кира со всей силы толкнула его в грудь, но с тем же успехом можно было двигать бетонный блок. — У меня брата в участке закрывают! Это твой Артур развлекается, точно тебе говорю! Владелец машины — из его прихвостней, Макс про них рассказывал! Это подстава, понимаешь ты своим холдингом или нет?!

Марк просто поймал ее за запястья и дернул на себя, заставляя замолчать и посмотреть на него. Держал крепко, не вырвешься, но не больно.

— Волкова, замолчи и включи голову, — жестко сказал он. — Если это Артур, твоя истерика в дежурке — как раз то, что ему нужно. Приедешь, начнешь орать на ментов, заработаешь статью за оскорбление, и вас посадят в соседние камеры. Брату так поможешь?

Он достал свой телефон, ткнул в экран. Лёва ответил моментально, как будто сидел и ждал — Слушаю, Марк Андреевич?

— Лев, у нас ЧП, наш дорогой родственник, кажется, решил поиграть с огоньком. Тридцать четвертый отдел, Преображенское. Там прессуют Максима Волкова, шьют поджог порше. Поднимай адвокатов, звони дежурному прокурору округа и чтобы через двадцать минут твои люди стояли у входа с камерами. Если с парня хоть пылинка упадет — начальник отдела завтра пойдет искать новую работу.

Марк убрал телефон и посмотрел на Киру — Пять минут на сборы, только оденься нормально и эту рванину свою одежду оставь. Мы едем парня забирать, а не на паперть.

В «Майбахе» они неслись по набережной так, будто правил вообще нет. Алексей гнал жестко, обходил редкие машины, и на камеры Левицкому, видимо, было плевать. Кира забилась в угол заднего сиденья и грызла ногти. Паника потихоньку перегорала, оставалась какая-то глухая и бешеная злость. Если этот урод Артур думает, что может трогать её брата ради своих игр с Марком, она ему лично кадык вырвет.

Марк рядом листал что-то в планшете, а экран подсвечивал его скулы. — Хозяин машины — некий Ковалев, двадцать два года и сын какого-то чинуши из Подмосковья. Кореш Артура по их элитному клубу, две недели назад этот Ковалев просадил кучу денег в карты и тачка в залоге, застрахована по КАСКО на сумму сильно выше реальной стоимости.

Кира повернулась к нему — То есть они сами её спалили ради страховки, а Макса крайним делают? Чтобы свои долги покрыть и мне нагадить?

— Пока Лёве не вернут бумаги от пожарных, это просто догадки, — отрезал Марк. — Но в совпадения я не верю. Артур ищет, где у меня тонко и решил, что это твоя семья. И проверяет, впишусь я за тебя или брошу разгребать самой.

— А зачем ты вписываешься? — тихо спросила она. — Тебе же проще откупиться или вообще не светиться в районной ментовке.

Марк выключил планшет и посмотрел на нее. Настоящий хищник, холодный и опасный.

— Я не люблю, когда трогают то, что принадлежит мне, Волкова, даже если это временно и по договору. Артур полез не туда, а я очень не люблю, когда трогают и ломают мои вещи.

«Вещи», ага. Ну и ладно. Сейчас Кире было плевать, как он ее называет, лишь бы вытащил Макса.

В тридцать четвертом отделе воняло стандартно хлоркой, дешевым куревом из каптерки и прокисшим кофе. Свет от ламп на потолке был такой противный, мертвенный, что сразу заболели глаза. На часах — половина третьего ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.